

Из-за чрезмерного беспокойства о хозяине мармеладный мишка, не раздумывая, выскочил наружу. Люди услышали только грозное, но по-детски милое предупреждение, и тут же увидели, как маленький розовый комочек со звуком «вжик» подпрыгнул с земли и начал сражаться, издавая боевые кличи.

Сначала на лицах этих людей появилось полное недоумение, но после того как они получили несколько крепких пинков по лицу и животу, наконец пришли в себя и начали давать отпор.

Один из них, воспользовавшись моментом, когда Тан Сяотан взлетел в воздух и не мог ни за что зацепиться, взял бейсбольную биту и со свистом ударил!

Тан Сяотан как раз разбирался с другим нападавшим, не уследил, и его с силой отбросило ударом в спину.

Возможно, из-за высокого содержания воды в теле, Тан Сяотан отчётливо услышал, как его большая голова издала звук «бульк», а затем в ужасе широко раскрыл глаза, увидев, как Сы Ханьцзюэ как раз выходит из офиса, и красивое лицо хозяина становилось всё больше, всё больше...

Боль и напряжение росли в геометрической прогрессии, в голове Тан Сяотана стоял сплошной звон «бульк», «бульк», «бульк», и шум воды окончательно затмил его последние проблески сознания.

Всё кончено, — подумал он, и тогда перед глазами мармеладного мишки потемнело, и он отключился.

В отличие от прошлого раза, когда его расплющило несколькими листами бумаги, на этот раз Тан Сяотан был по-настоящему сплюснен...

Маленький носик приплюснулся к лицу, глаза и рот съехались в одну кучку, ушки-бугорки перекошились, большая голова слегка деформировалась, а посередине зияла огромная трещина.

Сы Ханьцзюэ поднял руку и поймал мармеладного мишку. Увидев его печальное состояние, он поднял взгляд, и в его глазах мелькнула ледяная холодность.

Он бережно прикрыл мармеладного мишку ладонью и, в своём деловом костюме, в одиночку вступил в бой против двоих. Он легко и уверенно одержал победу, двое нападавших с криками рухнули на пол. Сы Ханьцзюэ одним коленом придавил спину одного из них, прижав его к полу и лишив возможности двигаться, а другой рукой быстро изъясил у обоих мобильные телефоны. В этот момент с полицией поднялся Цзян Юй.

Сы Ханьцзюэ встал, бросил изъятые телефоны Цзян Юю и, нахмурившись, спросил:

— Ты ранен?

Цзян Юй скривился от боли.

— Ничего, с головой, кажется, всё в порядке.

Сы Ханьцзюэ...

Одной рукой он отправил несколько сообщений с телефона и, не поднимая головы, сказал:

— Я уже договорился с доктором Цуем из городской больницы. Поезжай прямо к нему. Машину вызовут.

Цзян Юй прижимал к затылку полотенце, на котором проступали кровавые пятна. Его глаза беспокойно бегали по сторонам, он прикусил губу.

— Босс, вы не видели...

Не видели ли конфетку, которая умеет бегать, прыгать и громко кричать, что хочет защитить хозяина?

Сы Ханьцзюэ искоса взглянул на него и инстинктивно прикрыл руку с мармеладным мишкой за спиной.

— Нет.

Цзян Юй...

Я ещё ничего не сказал, а вы уже «нет»?

Цзян Юй, обладая острым зрением, заметил, что Сы Ханьцзюэ что-то прячет, и вдруг вспомнил время, когда только познакомился с ним.

Сы Ханьцзюэ уехал учиться за границу в тринадцать лет, был на курс старше Цзян Юя. На чужбине китайцы собирались в свою компанию. Как-то раз у их общего друга был день рождения, и именинник пригласил всех на ужин. Виновницей торжества была девушка, и когда она разрешила торт, то обнаружила внутри обручальное кольцо от парня. Тут же на глазах у неё выступили слёзы, празднование дня рождения превратилось в тщательно подготовленный сюрприз-предложение. Все радостно кричали и поздравляли, но Цзян Юй, стоявший рядом с Сы Ханьцзюэ, чутким ухом уловил, как холодный старший товарищ тихо пробормотал:

— И у меня когда-нибудь найдётся тот, кто меня полюбит.

Цзян Юй с удивлением повернулся к нему. Прекрасное лицо Сы Ханьцзюэ было холодным, но, похоже, он осознал, что его слова подслушал этот младшекурсник с кудрявой шевелюрой, и бросил на него острый, предупреждающий взгляд.

Затем Сы Ханьцзюэ отвернулся и тихо покинул этот праздник, принадлежавший другим, выйдя покурить перед отелем.

В душе он всё же завидовал.

Цзян Юй смотрел на его удаляющуюся спину и мысленно наклеил первый ярлык: немножко цундере.

Тот холод, скрывающий разочарование, и это мелкое движение, когда он тайком прячет мармеладного мишку, были совершенно одинаковыми.

Только на этот раз это было от радости.

На этот раз он встретил конфетку, которая его любит.

Цзян Юй мгновенно растрогался от собственных домыслов и, прижимая окровавленную голову, всхлипнул:

— Главное, что всё в порядке, все целы.

Сы Ханьцзюэ нахмурился. Его ассистент определённо спятил.

Из-за беспокойства о мармеладном мишке Сы Ханьцзюэ дождался, пока машина заберёт упрямо державшегося Цзян Юя с разбитой головой, и поспешил домой за рулём.

Сы Ханьцзюэ быстро сел в машину, обеими руками аккуратно разместил мармеладного мишку на сиденье, повернул руль и резко тронулся с места. Напряжение внутри него было ещё сильнее, чем скорость машины.

Мармеладный мишка лежал на сиденье, его приплюснутый носик прилип к щёчке, изогнутый ротик неестественно поднят вверх, маленькое тело покачивалось вместе с машиной, но два круглых глазка оставались совершенно безжизненными. Вся конфета словно лишилась души, её кристально-прозрачное нежно-розовое тело стало похоже на обычную конфету — тусклое, безжизненное.

Лицо Сы Ханьцзюэ побелело, кровь отлила от кожи, губы сжались в жёсткую прямую линию. Дорога домой стала невероятно длинной, невыносимо... длинной...

Тем временем в больничной палате.

В тишине и темноте ритмичный писк кардиомонитора на мгновение прервался, а затем снова стал размеренным и медленным. Веки Тан Тана слегка дрогнули.

Глазные яблоки под ними задвигались, создавая лёгкую рябь на веках.

— Я... я защищу тебя...

Не полностью пришедший в себя Тан Тан проговорил эти слова как во сне. Короткий, едва слышный звук оставил лёгкое белое облачко на кислородной маске, неосязаемое, как сон, который не поймать.

Бледный, изящный юноша погрузился в сон, уголки его губ слегка приподнялись в нежной улыбке.

Он справился.

Но... кто он такой...

Зачем он так отчаянно защищал того человека...

Казалось, он всё забыл, остался лишь инстинкт, инстинкт защищать этого человека...

Вернувшись домой, Сы Ханьцзюэ бросился искать набор инструментов для изготовления мармелада ручной работы. Дрожащими пальцами он поставил мармеладного мишку на маленькую вращающуюся подставку, и даже его голос дрожал:

— Всё хорошо, я сейчас всё почию, всё будет хорошо.

Сы Ханьцзюэ абсолютно не знал, как спасти нежного мармеладного мишку. Он нажал пальцем на животик конфеты, слегка надавил несколько раз, но мармеладный мишка никак не отреагировал. Его упругое тельце из-за множества трещин больше не могло упруго пружинить.

По телу расплзлось леденящее отчаяние. У всегда спокойного и уверенного Сы Ханьцзюэ на висках выступил холодный пот.

Это было чувство беспомощного отчаяния.

Точно как тогда, когда умерла бабушка. У него были деньги, влияние, он мог без труда пригласить лучших международных экспертов и врачей, но всё равно не смог вылечить бабушку.

Это чувство было ещё более отчаянным, чем отсутствие денег на лечение.

Потому что не было оправдания, не было отговорки «я просто не смог спасти её из-за нехватки денег». Это было отчаяние от того, что прилагаешь все усилия, исчерпываешь все ресурсы, но всё равно можешь только смотреть, как человек уходит.

Горькая ярость не находила выхода, зависала в пустоте и снова и снова тупым ножом вырезала раны в сердце. Холодный ветер задувал внутрь, леденил душу.

Сы Ханьцзюэ опустил взгляд на безжизненного мармеладного мишку, механически зажёл низкотемпературную свечу, взял маленький инструмент, загладил иголкой несколько мелких трещин, затем расплавил несколько красных конфет и медленно, соком, заполнил большую трещину на голове мармеладного мишки.

Подушечка пальца была порезана, и маленькая капля крови бесшумно растворилась в сахарном сиропе, но он этого даже не заметил. Боль была притуплена, он ничего не чувствовал.

Всё происходило будто само собой, пальцы двигались автоматически, тело реагировало на кризис. В голове у Сы Ханьцзюэ была пустота, он смотрел на свои пальцы в растерянности.

К счастью, большая трещина наконец была заделана. Приплюснутый кончик носика пришлось сначала разгладить, а затем придать новую форму. Липкий сахарный сироп прилип к пальцам, и когда он очнулся, то обнаружил, что его палец склеился с ручкой мармеладного мишки.

Мармеладный мишка держал его за руку, его изогнутый ротик беззвучно говорил:

— Хозяин, конфетка хочет быть красивой. Конфетка хочет быть красивой, чтобы защищать тебя.

Ощущение было настолько реальным, сладкий аромат медленно проникал в ноздри, и леденящее сердце Сы Ханьцзюэ наконец начало постепенно согреваться.

После напряжённых получаса мармеладный мишка наконец был восстановлен.

Неизвестно, показалось ли это, но в момент полного восстановления тела тускло-розовый цвет постепенно начал светлеть, будто внутри загорелась душа, сияющая светом. Улыбка становилась всё живее. Сы Ханьцзюэ ткнул мармеладного мишку в лоб, конфета покачнулась от его движения, но по-прежнему не подавала никаких признаков жизни.